

Сиху поморщился и провёл ладонью по лицу. Похоже, он был сексуально неудовлетворён. Неужели он начал фантазировать о Джехёке из-за того, что их физические контакты участились в последнее время? Джехёк был для него человеком, с которым секс был невозможен.

Он действительно был привлекательным человеком. Если бы Джехёк не боялся физического контакта, от него бы не отставали. Даже сейчас, похоже, так и было. Сиху подумал о бывших возлюбленных, с которыми Джехёк встречался без его ведома.

Честно говоря, он был удивлён. Он никогда не представлял Джехёка с кем-то другим. Зная, что Джехёк не любит прикосновений, он подсознательно думал, что тот ни с кем не будет встречаться. Хотя сам Сиху никогда ни с кем не обсуждал этого, он не думал, что Джехёк был из тех, кто скрывает подобные вещи.

В последнее время он понял, что это было его заблуждением.

Возможно, он бессознательно не рассматривал возможность того, что Джехёк будет близок с кем-то, кроме него. Ким Иджун, друг, которого он называл, и Рина, бывшая девушка, о которой он упоминал, не были теми людьми, которых Сиху знал в окружении Джехёка. Тот факт, что существовал Джехёк, которого он не знал, взволновал его и привёл к сегодняшнему дню.

Возможно, он сам положит конец их отношениям своими руками.

Глубокие эмоции ведут к конфликтам. Чрезмерное товарищество, драматическая любовь — ничто не является исключением. Конфликты, которые они повторяют, в конечном счёте ведут к концу.

Юн Сиху ненавидел концы. Концы Сиху никогда не были хорошими. В то время, когда люди судят о ценности мира и формируют своё мнение, Сиху видел только худшие исходы. Воспоминания, которые его дед считал незначительными, стали дефектами Сиху.

Он был жалким парнем, который не мог преодолеть свои детские проблемы — в этом была проблема Юн Сиху.

Он пытался. Когда его отец, председатель Юн, отправил его в Англию под видом выздоровления, он пытался вести себя как нормальный человек. Заводил друзей, пытался строить что-то похожее на романтические отношения, старался вписаться, не выделяясь.

Но отношения всегда задевали самые глубокие раны Сиху. Небрежные упоминания о семье со стороны других были его ахиллесовой пятой. Он провёл годы, срывая и снова прикладывая корку незаживающей раны.

В конце концов он смирился.

Эту проблему нельзя ни решить, ни игнорировать. Всё, что мог делать Сиху, — это принять её и держаться на расстоянии от других.

— Сиху-я.

Его мысли рассеялись от глубокого приглушённого голоса, зовущего его. Он не заметил, как погрузился в ненужные воспоминания. Он резко вернулся в реальность. Повернув голову, он увидел Джехёка, сидящего на кровати.

— ...Что-то не так?

Он изучал его выражение лица. Беспокойство наполняло чёрные зрачки под густыми бровями. Его острые глаза могли показаться свирепыми на первый взгляд из-за отсутствия двойного века, но сами зрачки были глубокими и невинными. Как у щенка. Охотничьей собаки. Но такой, которая не кусает людей, чем-то похожей на добермана.

— Ты проснулся.

Сиху выдавил из себя улыбку. Из всех времён он проснулся именно тогда, когда улыбаться было трудно. Когда он попытался вернуть своё лицо к привычному выражению, Джехёк сказал:

— Тебе не нужно заставлять себя улыбаться.

Сиху моргнул от неожиданного замечания. Он подумал, что ослышался, но, увидев серьёзное лицо Джехёка, понял, что это не так.

Он никогда не слышал ничего подобного. Если бы было наоборот, он бы уже устал от этого.

Его отец ненавидел мрачное выражение лица. Дед заставлял его улыбаться, а сверстники всегда говорили, что если Сиху не улыбается, он выглядит пугающе. Не считая самой значительной нерешённой проблемы, Сиху решил остальные одну за другой. Просто всегда улыбайся.

Тогда проблемы исчезали. Когда он улыбался красиво, как ему говорили, мир казался проще.

Так что он действительно должен был улыбаться...

Джехёк, говорящий так небрежно, вопреки всему, что Сиху знал всегда, колеблясь, приблизился к нему. Пальцы Джехёка легко коснулись тыльной стороны руки Сиху, лежавшей на кровати.

— Мне нравится, даже когда ты не улыбаешься.

Должно быть, это был первый раз, когда Джехёк прикоснулся первым.

— Я не знаю, в чём дело, но если тебе тяжело, ты можешь говорить об этом. Ты тоже помог мне.

Джехёк говорил так, будто принял важное решение. Его волосы были взлохмачены ото сна, и, глядя на него таким серьёзным, Сиху впервые за долгое время рассмеялся искренне. Не насильственно, а по-настоящему.

— ...Что? Я сказал что-то не то?

Сиху покачал головой, внезапно почувствовав облегчение. Отсмеявшись до слёз, он перевёл дыхание и потянулся к птичьему гнезду на голове Джехёка, нежно приглаживая его.

— Это потому, что у тебя волосы в беспорядке, Хёк.

—

Джехёк медленно поднял руку туда, куда Сиху прикоснулся к его волосам, и по его озадаченному лицу разлился румянец. Это было мило. Сиху ещё некоторое время гладил мягкие волосы, а затем убрал руку, сожалея, но обрывая себя.

— Это ничего. Просто немного задумался.

То, что он искренне рассмеялся при Джехёке, было проблематично.

— Кажется, вчера я перешёл черту.

Насколько сильно он боялся глубоких эмоций, настолько Сиху знал признаки их зарождения. Позволить таким чувствам расти могло стать ядом. А Сиху не хотел терять человека, который приносил ему столько радости.

— Я думаю, теперь, когда я могу прикоснуться к тебе, и раз ты поцеловал кого-то другого...

Он сказал это, насильно игнорируя нарастающее раздражение. Нельзя копать глубже.

Правильно было прекратить вмешиваться и перестать сближаться. Вспомни, через что ты прошёл.

Он совершил ошибку. Поскольку Джехёк был его единственным другом, он не осознавал, что его эмоции движутся иначе. Поцелуй между друзьями перешёл черту.

— Я думаю, нам больше не нужно практиковаться.

Создание дистанции было единственным способом сохранить Джехёка рядом.

— Я тоже об этом думал.

Сиху принял решение, разбираясь в своих чувствах. Джехёк долго слушал его мягкие, но твёрдые слова в тишине, не моргая и пристально глядя на Сиху. После долгой паузы из Джехёка вырвался лёгкий вздох, и его обычно приподнятые уголки глаз слегка опустились.

На мгновение выражение разочарования на лице Джехёка было настолько явным, что его можно было принять за проявление чувств к Сиху. Похоже, он неправильно понял. Это имело смысл. Джехёк всегда был чувствителен к реакциям Сиху.

— Прошлой ночью, Хёк-а, то, как я вёл себя с тобой, было чрезмерным. Даже если ты был согласен, я не должен был говорить или делать такие вещи.

Чтобы предотвратить любые недопонимания, Сиху подробно объяснил. Он хотел сказать, что

сожалеет и о поцелуе, но сдержался, боясь обидеть Джехёка.

— ...Мне было нормально.

Голос Джехёка был тихим и приглушённым. Волна вины накрыла Сиху, когда он понял, что Джехёк воспринял это как отказ.

Нет, Хёк-а. Я делаю это, потому что хочу сохранить тебя рядом.

— Хёк-а, это потому, что ты слишком добрый.

Он прошептал с беспокойством, стараясь, чтобы Джехёк не истолковал его обычный ответ как что-то иное.

— Любой другой на твоём месте обругал бы меня, назвал бы сумасшедшим.

Лучшая реакция на того, кто говорит такие вещи, будучи трезвым, — именно такая. Это было правильно.

— Прости, Хёк-а.

— Не извиняйся.

Лицо Джехёка окаменело, что было необычно для него, и Сиху от удивления моргнул. После нескольких секунд молчания Джехёк вернулся к своему обычному выражению.

— Не извиняйся за то, чего не делал, Сиху-я. Давай сделаем, как ты сказал. Я тоже думал... может быть, я и так был тебе слишком обременителен...

Верный себе, Джехёк хорошо всё понял. Однако мысль о том, что он был обременителен, была неверна.

— Ты никогда меня не обременял.

Джехёк никогда не был для Сиху источником негативных чувств.

— ...Да. В любом случае, я думал, что мне тоже было нормально. Спасибо.

Не выказывая никакой привязанности, Джехёк легко принял слова Сиху. Сиху вглядывался в его лицо, гадая, не скрывает ли Джехёк обиду, но больше не было видно ни признаков смутения, ни уныния. Джехёк был так же спокоен, как всегда.

— Спасибо.

Сиху прошептал искренне.

— Это я должен благодарить тебя.

Джехёк ответил. Он был добродушным. С этой мыслью пальцы Сиху дрогнули, испытывая искушение снова прикоснуться к Джехёку, но он сдержался и отвёл взгляд, проверяя время на экране телефона, чтобы сменить тему.

— Уже поздно, пойдём. Я не хочу, чтобы тебя снова ругали, Хёк-а.

— Хорошо.

Губы Джехёка дрогнули, когда он встал.

— Можно мне сначала принять душ?

— Ага.

— Спасибо.

Гадая, есть ли что-то ещё, что можно сказать, Джехёк затем отошёл от кровати. Его спина, когда он шёл в ванную, выглядела даже более грациозной, чем прошлой ночью. Сиху смотрел на его удаляющуюся фигуру с пустым выражением лица, затем поднялся с кровати и рассеянно прочитал сообщение от Хан Бады, который пытался дозвониться до него всю ночь.

Наверное, мне пора с кем-то встретиться.

Когда он нажал кнопку ответа, его пальцы двигались механически, подчиняясь команде, лишённой всяких эмоций.

Бывают такие моменты. Чувствуешь, что что-то испортил, но просто не можешь понять, о чём думает другой человек. Джи Джехёк чувствовал такую отстранённость, когда его впервые начали не любить дядя и кузены. Он до сих пор помнил то чувство беспомощности.

После этого утра Джи Джехёк не мог полностью сосредоточиться на тренировке. Из-за этого тренер Шин отозвал его в сторону для нотации. Завтра матч, и тренер Шин взорвался, спрашивая, что он делает. Джи Джехёк, признавая свою вину, молча вынес выговор.

Важный весенний матч федерации футбола уже закончился. Джи Джехёк забил один гол и сделал две голевые передачи в финале. Его точные удары и владение мячом были хороши, но всё ещё немного уступали соперникам-нападающим.

Поэтому Джи Джехёку нужно было тщательно подготовиться к предстоящему Кубку Тэбэксан. Тренер Шин хотел дебютировать младшекурсников в К-Лиге ради них самих и стремился к большему — создать игроков Премьер-лиги.

Таким образом, завтрашний региональный турнир, по замыслу тренера Шина, был на самом деле скорее возможностью показать игроков скаутам и официальным лицам, чем командным соревнованием. Хотя это исходило из его собственных амбиций, это было выгодно игрокам, нуждающимся в дебюте.

После того как ему бесчисленное количество раз говорили взять себя в руки, тренировка наконец закончилась. Поскольку завтра турнир, они завершили лёгкими упражнениями и тактической работой, чтобы избежать травм. Команда разошлась рано, с напоминанием отдохнуть, так как завтра нужно было ехать в Ыйджонбу.

Имея немного свободного времени и без занятий сегодня, Джи Джехёк бесцельно бродил вниз от спортзала и остановился рядом с бизнес-факультетом. Первоначально направляясь в библиотеку, он оказался у холла бизнес-факультета.

Бизнес-факультет действительно был другим. Джи Джехёк осмотрелся. Хотя он был недалеко от педагогического факультета, он редко заходил туда, хотя часто проходил мимо. Четыре внушительных здания, включая недавно построенное, принадлежали бизнес-факультету. Слова Ким Иджуна всплыли в голове: «Богатые детки — они другие».

Не нужно было гадать, зачем он сюда пришёл. Вероятно, он надеялся случайно встретить Юн Сиху. Его телефон был разбит вчера, и вся утренняя связь была прервана. Завтра турнир, и ему нужно было купить новый телефон, но Джи Джехёк оказался сидящим на траве рядом с бизнес-факультетом. Здесь было тише, чем на лужайке у главных ворот.

Сидя на траве, Джи Джехёк уткнулся лицом в колени. Дейс

твительно ли Сиху остыл? Эта назойливая мысль мучила его весь день. Возможно, потому что он всегда получал больше, чем отдавал, было бы неудивительно, если бы Сиху устал от него.

<http://bllate.org/book/13227/1745868>